

новый
мир

12

1937

**Н О В Ы Й
М И Р**
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ж у р н а л

ПРОВЕРЕН
1938 г.
Ф. К. Е.

**ПРОВЕДѢ
К Н И Г А
ДВЕНАДЦАТАЯ
ДЕКАБРЬ**

М О С К В А

1.9.3.7

Оренбургская
областная библиотека
читальня № 3

СОДЕРЖАНИЕ

ВКЛАДКИ—портреты: И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича,
К. Е. Ворошилова, М. И. Калинина, А. А. Андреева, А. И. Микояна,
В. Я. Чубаря, С. В. Косиора, А. А. Жданова, Н. И. Ежова, С. М. Кирова.

	Стр.
ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР	5
ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ. — Привет вождю, стихотворение	15
МИХ. ШОЛОХОВ. — Тихий Дон, роман, продолжение	17
ДЖАМБУЛ. — Страна выбирает Верховный Совет, стихотворение	52
ВСЕВОЛОД ИВАНОВ. — Друзья, рассказ	54
В. ЗВЯГИНЦЕВА. — Ты выберешь лучшего друга страны, стихотворение	61
Н. НЕЗЛОБИН. — Стихотворения	62
В. ЖУРАВЛЕВ. — Слово моей матери, стихотворение	64
С. ДИКОВСКИЙ. — Случай в селе Грушевке, рассказ	65
МИХ. РУДЕРМАН. — Счастье, стихотворение	75
ПАВЕЛ НИЛИН. — Профессор Бурденко, рассказ	76
Л. НИКУЛИН. — Дружба, повесть	99
ШТОТА РУСТАВЕЛИ. — Витязь в тигровой шкуре. (<i>Отрывки из поэмы</i>). Перев. Н. Заболоцкого, иллюстр. с карт. худ. С. Кабуладзе.	141
ФЕДОР ГЛАДКОВ. — Энергия, роман, продолжение	154
ПЛАМЕННЫЙ ТРИБУН РЕВОЛЮЦИИ.—Памяти С. М. Кирова.	182
КАК МНЕ ГОРЕ МОЕ ВЫПЛАКАТЬ?—Перевод с мордовского.	183
В. ГАВРИЛОВ. — Алексей Стаханов.	187
ТАТЬЯНА ШАПОВАЛОВА. — Я — дочь трудового народа.	193
Акад. И. М. ГУБКИН. — Моим избирателям	197
И. ЭКСЛЕР. — Владимир Коккинаки.	209
А. ЭРЛИХ. — Посланцы советской литературы.	215
Б. ЛАПИН, З. ХАЦРЕВИН.—Поездка в Карабах и Курдистан.	226
Л. МОРЕВ. — «Губернальный староста».	235
К. АЛТАЙСКИЙ. — Стalinская Конституция в песнях народов СССР	239
Д. ДАНДУРОВ.—Руставели и современность.	245
КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ. — Шота Руставели и его поэма.	254
Е. ПАМФИЛОВА. — Сатира Некрасова.	263
ИВАН ЕВДОКИМОВ. — В музее А. М. Горького.	273
К. ГРИШИН. — Три книги о социалистической родине.	278
СУЛЕЙМАН ИЗ АУЛА АШАГА-СТАЛЬ	283

Тихий Дон

Роман

МИХ. ШОЛОХОВ

(Продолжение¹)

ГЛАВА XIV

На другой день вернулись с поля косари. Пантелей Прокофьевич решил с обеда начинать возку сена. Дуняшка погнала к Дону быков, а Ильинична и Наталья проворно накрыли на стол.

Дарья пришла к столу последняя, села с краю. Ильинична поставила перед ней небольшую миску со щами, положила ложку и ломоть хлеба, остальным, как всегда, налила в большую общую миску.

Пантелей Прокофьевич удивленно взглянул на жену, спросил, указывая глазами на дарынку миску:

— Это что такое? Почему это ей отдельно влила? Она, что, не нашей веры стала?

— И чего тебе надо? Ешь!

Старик насмешливо поглядел на Дарью, улыбнулся:

— Ага, понимаю! С той поры, как ей медаль дали, она из общей посуды не желает жрать. Тебе что, Дашка, аль гребостно с нами из одной чашки хлебать?

— Не гребостно, а нельзя, — хрюппо ответила Дарья.

— Через чего же это?

— Глотка болит.

— Ну, и что?

— Ходила в станицу, и фершал сказал, чтобы ела из отдельной посуды.

— У меня глотка болела, так я не отделялся, и, слава богу, моя болячка на других не перекинулась. Что же это у тебя за простуда такая?

Дарья побледнела, вытерла ладонью губы и положила ложку. Возмущенная расспросами старика, Ильинична прикрикнула на него:

— Чего ты привязался к бабе? И за столом от тебя нету покоя! Прилипнет, как орел, и отцепы от него нету!

— Да мне-то что? — раздраженно буркнул Пантелей Прокофьевич, — помне, вы хоть через край хлебайте.

С досады он опрокинул в рот полную ложку горячих щей, обжегся и, выплюнув на бороду щи, заорал дурным голосом:

— Подать не умеете, распроклятые! Кто такие щи, прямо с пылу, подает?!

— Поменьше бы за столом гутарила, оно бы и не пекся, — утешила Ильинична.

Дуняшка чуть не пыркнула, глядя, как побагровевший отец выбирает из бороды капусту и кусочки картофеля, но лица остальных были настолько серьезны, что и она сдержалась, и взгляд от отца отвела, боясь некстати рассмеяться.

После обеда за сеном поехали на двух арбах старик и обе снохи. Пантелей Прокофьевич длинным навильником давал на арбы, а Наталья принимала

Среднобургская

областная библиотека

читальня №

¹ См. «Новый мир», кн. 11 с. 9.

вороха пахнущего гнильцой сена, утаптывала его. С поля она возвращалась вдвоем с Дарьей. Пантелеем Прокофьевичом на старых шаговитых быках уехал далеко вперед.

За курганом садилось солнце. Горький полынный запах выкошенной степи к вечеру усилился, но стал мягче, желанней, утратив полдневную удушливую остроту. Жара спала. Быки шли охотно, и взбитая копытами пресная пыль на летнике подымалась и оседала на кустах придорожного татарника. Верхушки татарника с распустившимися малиновыми макушками пламенно сияли. Над ними кружились шмели. К далекому степному пруду, перекликаясь, летели чибисы.

Дарья лежала на покачивающемся возвышении лицом, опираясь на локти, изредка взглядывая на Наталью. Та, о чем-то задумавшись, смотрела на закат; на спокойном, чистом лице ее бродили медно-красные отблески. «Вот Наташка счастливая, у нее и муж, и дети, ничего ей не надо, в семье ее любят, а я — конченный человек. Издохну — никто и ох не скажет» — думала Дарья, и у нее вдруг шевельнулось желание как-нибудь огорчить Наталью, причинить ей боль. Почему только она, Дарья, должна биться в припадках отчаяния, беспрестанно думать о своей пропащей жизни и так жестоко страдать? Она еще раз бегло взглянула на Наталью, сказала, стараясь придать голосу задушевность:

— Хочу, Наталья, повиниться перед тобою...

Наталья отозвалась не сразу. Она вспомнила, глядя на закат, как когда-то давно, когда она была еще невестой Григория, приезжал он ее проводить и она вышла проводить его за ворота, и тогда так же горел закат, малиновое зарево вставало на западе, кричали в вербах грачи... Григорий отъезжал, полуобернувшись на седле, и она смотрела ему вслед со слезами взволнованной радости и, прижав к острой, девичьей груди руки, ощущала стремительное биение сердца... Ей стало неприятно от того, что Дарья вдруг нарушила молчание, и она нехотя спросила:

— В чем виниться-то?

— Был такой грех... Помнишь, весной приезжал Григорий с фронта на побывку? Вечером в этот день, помнится, я доила корову. Пошла к курень, слышу — Аксинья меня окликает. Ну, звала к себе, подарила, прямотаки навяззала, вот это колечко, — Дарья повертела на безымянном пальце золотое кольцо, — и упросила, чтобы я вызвала к ней Григория... Мое дело, что ж... Я ему сказала. Он тогда всю ночь... Помнишь, он говорил, будто Кудинов приезжал и он с ним просидел? Брехня! Он у Аксиньи был!

Ошеломленная, побледневшая Наталья молча ломала в пальцах сухую веточку донника.

— Ты не серчай, Наташа, на меня. Я и сама не рада, что призналась тебе... — искательно сказала Дарья, пытаясь заглянуть Наталье в глаза.

Наталья молча глотала слезы. Так неожиданно и велико было снова поразившее ее горе, что она не нашла в себе сил ответить что-либо Дарье и только отворачивалась, пряча свое искаженное страданием лицо.

Уже перед в'ездом в хутор, досадуя на себя, Дарья подумала: «И черт меня дернул расквилизить ее. Теперь будет целый месяц слезы точить! Нехай бы уже жила, ничего не знаючи. Таким коровам, как она, вслепую жить лучше». Желая как-то сгладить впечатление, произведенное ее словами, она сказала:

— Да ты не убивайся дюже. Эка беда какая! У меня горюшко потяжелше твоего, да и то хожу козырем. А там черт его знает, — может, он и на самом деле не видался с ней, а ходил к Кудинову. Я же за них не следила. А раз испойманный — значит, не вор.

— Догадывалась... — тихо сказала Наталья, вытирая глаза кончиком платка.

— А догадывалась, так чего ж ты у него не допыталаась? Эх, ты, никудышняя! У меня бы он не открутился! Я бы его в такое щемило взяла, что аж всем чертям тошно стало бы!

— Боялась правду узнать... Ты думаешь — это легко? — блеснув глазами

ми, заикаясь от волнения, сказала Наташа. — Это ты так... с Петром жили... А мне, как вспомню... как вспомню все, что пришлось... пришлось пережить... И раза страшно!

— Ну, тогда позабудь об этом, — простодушно посоветовала Дарья.

— Да разве это забывается!.. — чужим, охрипшим голосом воскликнула Наташа.

— А я бы забыла. Дело большое!

— Позабудь ты про свою болезню! Дарья рассмеялась.

— И рада бы, да она, проклятая, сама о себе напоминает! Слушай, Наташка, хочешь, я у Аксиньи все дочиста узнаю? Она мне скажет! Накажи господь! Нет такой бабы, чтобы утерпела, не рассказала об том, кто и как ее любит. По себе знаю!

— Не хочу я твоей услуги. Ты мне и так услужила, — сухо ответила Наташа. — Я — не слепая, вижу, для чего ты рассказала мне про это. Ить не из жалости ты призналась, как сводничала, а чтобы мне тяжелъше было...

— Верно! — вздохнув, согласилась Дарья. — Рассуди сама, не мне же одной страдать?

Дарья слезла с арбы, взяла в руки налыгач, повела устало заплеставшихся ногами быков под гору. На в'езде в проулок она подошла к арбе.

— Эй, Наташка! Что я у тебя хочу спросить... Дюже ты своего любишь?

— Как умею, — невнятно отозвалась Наташа.

— Значит, дюже, — вздохнула Дарья. — А мне вот ни одного дюже не доводилось любить. Любила по-собачьему, кое-как, как приходилось... Мне бы теперь сызнова жизнью начать — может, и я бы другой стала?

Черная ночь сменила короткие летние сумерки. В темноте сметывали на базу сено. Женщины работали молча, и Дарья даже на окрики Пантелея Прокофьевича не отвечала.

ГЛАВА XV

Стремительно преследуя отступавшего от Усть-Медведицкой противника, об-

единенные части Донской армии и верхнедонских повстанцев шли на север. Под хутором Шашкиным на Медведице разгромленные полки 9-й Красной армии пытались задержать казаков, но были снова сбиты и отступали почти до самой Грязе-Царицынской железнодорожной ветки, не оказывая решительного сопротивления.

Григорий со своей дивизией участвовал в бою под Шашкиным и крепко помог пехотной бригаде генерала Сутурова, попавшей под фланговый удар. Конный полк Ермакова, ходивший по приказу Григория в атаку, захватил в плен около двухсот красноармейцев, отбив четыре станковых пулемета и одиннадцать патронных повозок.

К вечеру с группой казаков 1-го полка Григорий вехал в Шашкин. Около дома, занятого штабом дивизии, под охраной полусотни казаков, стояла густая толпа пленных, белые бязевые рубахи и кальсонами. Большинство их было разуто и разделто до белья, и лишь изредка в белесой толпе зеленела грязная защитная гимнастерка.

— До чего белые стали, как гуси! — воскликнул Прохор Зыков, указывая на пленных.

Григорий натянул поводья, повернулся боком; разыскав в толпе казаков Ермакова, поманил его к себе пальцем.

— Под'езжай, чего ты по-за чужими спинами хоронишься?

Покашливая в кулак, Ермаков подехал. Под черными негустыми усами его, на разбитых губах запеклась кровь, правая щека вздулась и темнела свежими ссадинами. Во время атаки конь под ним споткнулся на всем скаку, упал, и камнем вылетевший из седла Ермаков сажня два скользил на животе по кочковатой толке. И он, и конь одновременно вскочили на ноги. А через минуту Ермаков, в седле и без фуражки, страшно кровавленный, но с обнаженной шашкой в руке, уже настигал катившуюся по косогору казачью лаву...

— И чего бы это мне хорониться? — с кажущимся удивлением спросил он, поровнявшись с Григорием, а сам смущенно огвоздил в сторону еще не потух-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30